

УДК 81'25 = 161

О.А. Фелькина

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

В статье рассматриваются переводы и переложения «Слова о полку Игореве» на современные русский, белорусский и украинский языки. Анализируются способы передачи ритмической и образной структуры этого памятника древнерусской литературы средствами современных восточнославянских языков, в том числе путем использования силлабо-тонических размеров.

«Слово о полку Игореве» – уникальный памятник древнерусской литературы. Непреходящий интерес к этому произведению отражается в появлении все новых исследований, посвященных языку и авторству «Слова», и все новых переводов – стихотворных и прозаических. «Слово о полку Игореве» переведено уже на 54 языка различных языковых семей.

Хотя памятник написан на общем для восточных славян языке, этот язык на множество столетий отстоит от современных белорусского, русского и украинского, а потому требует перевода или толкования.

Существует несколько десятков переводов и переложений «Слова о полку Игореве» на современный русский язык. Первый прозаический перевод был осуществлен издателями памятника в 1800 г. Затем появились переводы-интерпретации А. С. Шишкова, В. В. Капниста, Я. О. Пожарского, Н. Ф. Грамматина, М. А. Максимовича, Д. Н. Дубенского, П. Я. Малашева и Е. И. Де-Витте. Публиковалось также множество пересказов «Слова», не имеющих ни художественного, ни научного значения (в изданиях для учащихся). С 20-х годов XX века появляется ряд профессиональных прозаических переводов, выполненных специалистами по древнерусской литературе и языку: А. С. Орловым, В. Ф. Ржигой, Н. К. Гудзием, Д. С. Лихачевым, И. П. Ереминым, Ф. М. Головенченко, Л. А. Дмитриевым, О. В. Твороговым, Н. А. Мещерским. Известны также переводы на современный русский язык, принадлежащие зарубежным славистам С. Н. Плаутину и Р. О. Якобсону.

Первый поэтический перевод осуществил В. А. Жуковский (1819 г.). В XIX в. появились также переводы А. Ф. Вельтмана, М. А. Деларю, Л. Мея, Г. П. Павского, А. Н. Майкова, Н. Алябьева, Н. Павлова (Бицына) и неизвестного переводчика с псевдонимом Словесник, а также переложения «Слова» И. Сирякова, А. Палицына, Н. Язвицкого, И. Левитского, Д. Струйского, Д. Минаева, Н. Гербеля, А. Скульского, Д. Бохана. В XX в. опубликовано более 40 поэтических переводов и переложений: Г. О. Вольского, Н. Г. Гейнрихсена, Н. Бибилова, П. Соболева, Н. И. Маньковского, С. Козленицкой, А. А. Кичеева, Г. Шторма, К. Д. Бальмонта, С. Шервинского, С. Басова-Верхоянцева, И. Горнового, В. Зуккау-Невского, А. А. Кайева, А. И. Никифорова, И. Новикова, М. А. Тарловского, Д. Н. Семеновского, В. Саянова, В. И. Стеллецкого, А. К. Югова, Н. А. Заболоцкого, А. Скрипова, Л. И. Тимофеева, С. В. Ботвинника, Е. Бируковой, А. Степанова, Н. Рыленкова, А. Анисимовой, А. Домнина, А. Чернова [1]. К концу XX в. интерес к «Слову о полку Игореве» не ослабевает. В 80-е годы XX в. появляются переводы И. Шкляревского, В. Медведева, Ю. Бариева, И. Кобзева, А. Комлева, Г. Карпунина, В. Панова; к 90-м годам относятся работы Н. М. Гутгарца, В. Гончарова и Е. Лукина.

Украинский исследователь «Слова о полку Игореве» М. А. Максимович еще в начале XIX в. перевел памятник на русский и украинский языки. Произведение стало

исторической „святыней“ у украинских романтиков и в украинской литературе появляется множество его переводов стихами и прозой, целиком и отдельными частями. Отдельные фрагменты «Слова» были переведены М. С. Шашкевичем, И. Левицким, Т. Г. Шевченко, Б. Д. Гринченко, В. С. Лиманским, Н. А. Вербицким, А. С. Малышко, А. Коржем, И. Лукьяненко, Л. Новиченко. Полные поэтические переводы осуществили С. В. Руданский, О.-Ю. А. Федькович, И. Я. Франко, В. Кендзерский, П. Мирный, Н. Ф. Чернявский, К. М. Зеньковский, В. Г. Щурат, Я. К. Грунский, А. В. Коваленко, П. А. Коструба, В. Е. Свидзинский, Н. Л. Забила, В. Шевчук. Существуют также прозаические переводы И. Вагилевича, П. К. Шейковского, М. Возняка [1, 2].

В 1910 г. М. Богданович переложил на белорусский язык отрывок из «Слова о полку Игореве», который назвал «Песня пра князя Ізяслава Полацкага». Через год полный прозаический перевод осуществил Я. Купала, а в 1921 г. он создал и поэтический перевод. В 1922 прозаический перевод опубликовал М. И. Горецкий. В конце XX в. появились поэтические переводы Р. Бородулина, В. И. Дорошкевича и И. Г. Чигринова, а также «Плач Ярославны» в переложении А. Велюгина.

Уже первые издатели заметили ритмическую структуру «Слова о полку Игореве», назвав памятник «Ироическая песнь». Поэтому наибольшее распространение получили именно поэтические переводы и переложения. Собственно переводами в строгом смысле слова можно назвать произведения, создатели которых стремились сочетать смысловую адекватность оригиналу с реконструкцией или имитацией его ритмики. Первым таким переводом была работа В. А. Жуковского, например:

*На третий день к полдню
Пали знамена Игоревы!
Тут разлучилися братья на бреге быстрой Каялы;
Тут кровавого вина не достало;
Тут пир dokonчили храбрые воины русские:
Сватов попили,
А сами легли за Русскую землю [3, с. 126].*

В ряде случаев автор сохраняет и лексику оригинала (понятную для читателя XIX в.), что передает колорит древности: *изострил, испить шелоном Дона, ночь меркнет, прыщещь стрелами, о свичае и обычае* и др. Стремилась сохранить ритмику оригинала, бережно отнеслись к образной системе древнерусского памятника Д. Лихачев, И. Франко, М. Рыльский, Р. Бородулин и другие переводчики. Безрифменный стих, вариации ритма позволяют тоньше передать особенности «Слова», поэтому такие переводы принадлежат к наиболее удачным. Вот как звучит, например, перевод И. Франко:

*Ой ще зрана в п'яток руські повки
Потоптали і стерли погану
Половецьку силу і, стрілами
По степу розсипавшись, помчали
Красні діви половецькі, з ними
Злото й дорогії оксамити
Й скарби яко богату здобичу [2, с. 153].*

Многие поэты, переводя «Слово о полку Игореве», обновили не только языковые средства, но и ритмическую структуру памятника, используя силлабическую или силлаботоническую системы стихосложения, рифмовку, часто беря за образец произведения народно-поэтического творчества. Такие работы принято называть переложениями.

Так, Л. Мей имитирует стих русских народных песен, причем и ритмически, и за счет использования псевдонародных оборотов (*аль, коли; ох, ты гой еси* и т. д.), двояных слов (*путь-дорога; поле-степь; свет-зорька; девица-красавица; стоном-стонет; шумит-звонит; судил-рядил* и т. п.), уменьшительно-ласкательных форм (*бы-*

линушка, соловушка, пирушка, солнышко и др.), причастий с русскими суффиксами *-юч* (*поминаючи, призываючи, кидаючи* и т. д.). Насколько далеко это переложение от эстетики оригинала можно судить уже по первым строкам:

Аль затягивать, ребята, на старинный лад

Песню слезную о полку князя Игоря,

Князя Игоря Святославича!

А и песню нам затягивать

Про недавнюю былинушку... [4, с. 286].

А. Н. Майков широко использует устойчивые фольклорные эпитеты (*чистое поле, брани стародавни, поля-луга, бел рассвет, горючьми слезами, добрый конь, тихо-струйный Дон*). Как и Л. Мей, явно злоупотребляет эмоциональными восклицаниями («*О Боян, о вещей песнотворец*», «*Ах, стреляй в поганого кощея*»), частицами *аль, ан* и *да* («*Аль о славном о Романе Красном*», «*Ан на небе солнце засветило*», «*За Сулой-рекой да ржут кони*»), повтором предлогов («*Звон звенит во Киеве во стольном*»), уменьшительными формами («*По морям кораблики лелеял*») и т. п. [4, с. 148–165]. Перевод А. Н. Майкова не так точно имитирует стиль русской народной песни, как переложение Л. Мея, но все же грешит излишней «народностью».

Другой русский переводчик – Н. Алябьев – стилизует ритмику и лексику переложения под размер и фразеологию былин:

На другой-то день раным-ранешенько

Свет оповещают зори кровавые,

Идут с моря тучи черные,

Хотят-то прикрыть четыре солнушка,

А во тучах трепещут синии молнии [4, с. 69].

Первая попытка поэтического перевода «Слова о полку Игореве» на украинский язык – «Співомовний переклад» С. В. Руданского, – как и ряд других украинских переложений (К. Шейковский, В. Кендзерский, А. В. Коваленко), ориентируется на украинскую народную песню. Стиховой размер и ритмика переложения П. Мирного напоминают украинские думы XVI – XVII вв., автор использует и соответствующую лексику (*білу лебідку, ясне сонце, лихая недоля, соловейку, то не вітер-буря встає, гірких сліз* и т. п.). Рифмовка и элементы собственно украинского фольклорного стиля существенно отдают перевод от оригинала:

Ой чи не краще почати нам, милеє браття,

Співати за Ігоря хоробре завзяття?

За Ігоря Святославенка почати –

Старими піснями співати?

Ні! почнемо, браття,

Ту пісню завзяття,

Як тепереньки кобзарі співають, –

Не гонячись за старим Бояном [2, с. 266].

А слова *Святославенко, тепереньки, кобзарі* диссонируют с языком исходного текста.

«Слово о полку Игореве», безусловно, отражает некоторые черты народно-поэтической речи (ряд характерных устойчивых эпитетов, сравнения с животными, обороты с отрицательными сравнениями). Однако это не песня, не былина и не дума, а литературное произведение. Наряду с фольклорными поэтическими образами в «Слове» представлены и книжные: риторические восклицания и вопросы, отвлеченная лексика, сложные слова, оборот «дательный самостоятельный» и др. Поэтому стилизованные под фольклор переложения весьма искаженно отражают художественную специфику памятника.

Трудно признать удачными и переложения, написанные гекзаметром (например, М. А. Деларю; его работа была высоко оценена критикой и пользовалась популярностью в XIX в.) или близким к гекзаметру силлабическим 15-сложником (О.-Ю. А. Федькович). Эти книжные размеры ассоциируются с античной литературной традицией и не соответствует жанру и образной структуре «Слова о полку Игореве». Ср., например, строку из перевода М. А. Деларю «*Никнет от жалости злак; под печалью древо согнулось*» [3, с. 141] и оригинальный текст «*Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось*» [5, с. 26].

Переложения, написанные силлабо-тоническими размерами, часто звучат слишком современно и лирично, эпическая и публицистическая составляющие отодвигаются далеко на второй план. Чаще всего поэты для переложения «Слова о полку Игореве» используют четырех- или пятистопные двусложные размеры: четырехстопный хорей (украинские переводы Н. Ф. Чернявского, В. Г. Щурата), пятистопный хорей (русские переложения А. Н. Майкова, Н. Заболоцкого), пятистопный ямб (украинский переводчик В. Шевчук и русский Г. Карпунин). К. Бальмонт перевел «Слово» четырехстопным хореем, но для придания эпической тональности переводу два стиха объединил в одну строку:

*Меркнет ночь, заря запала, сумрак-мгла поля покрыла,
Дремлет повсвист соловьиный, говор галичий забредил.
Русь червлеными щитами поле-даль прегородила,
Ищет чести в поле бранном для себя, а князю – славы* [3, с. 168].

Т. Г. Шевченко написал переложение «Плача Ярославны» в основном четырехстопным ямбом, с использованием народно-поэтических художественных средств, хотя его же перевод фрагмента о битве на Каяле близок к ритмике оригинала. Ср.: «*В Путивліграді вранці рано / Співає, плаче Ярославна, / Як та зозуленька кує, / Словами жалю додає*» (народное сравнение с кукушкой, обычное песенное «жалю додає»); «*І бились день, / І другий билися, / Та коло полудня на третій / Поникли Ігореві стязі*» (нет рифмы, ритмика свободная, сохраняется образность оригинала) [2, с. 195–198].

Четырехстопные хорей и ямб слишком легковесны и не могут адекватно передать ритмику «Слова о полку Игореве». Несмотря на это, отдельные переводы можно признать удачными. Так, В. Г. Щурат достаточно точно передает образный строй произведения. Например:

*Сіав Олег Гориславич
Свари, ніби стріли з лука.
Погибала в княжих сварах
Жизнь Дажбожового внука.
Вік вкорочувався людям
в княжій буйності-сваволі.
Мало де погейкували
ратаї тоді у полі.
Зате часто круки грали,
трупом ділячися живо,
а галки свій говір знали
в перелеті на поживу* [2, с. 341].

Избыточная легкость, динамичность хорей смягчается обилием пиррихий.

Образы древнерусского памятника нередко приносятся в жертву строгому ритму и рифмовке. Например, один из самых ярких образов «Слова о полку Игореве» – это развернутое сравнение битвы с земледельческим трудом: «*На Немизе снопы стелють головами, молотять чеши харалужными, на тоце живот кладуть, веють душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни, посеяни костьми русских сынов*

[5, с. 32]. В переложении Н. Заболоцкого от этого сравнения остаются только две фразы: *Мертвыми усеяно костями (поле); И взошел великими скорбями На Руси кровавый тот посев* [5, с. 66].

Ритмическая структура «Слова о полку Игореве» неоднородна: повествование то ускоряется, то замедляется. В стремлении передать изменяющийся ритм памятника некоторые переводчики используют сразу несколько различных силлабо-тонических размеров. Так, Н. Гербель, разделив «Слово» на 12 песен, подобрал для каждой соответствующий (с его точки зрения) стихотворный размер: хорей сменяется „балладным“ амфибрахийем, далее следует гекзаметр, затем снова хорей или ямб, иногда и имитация былинного стиха. Выбор стихотворных размеров в переложении Н. Гербеля весьма субъективен и часто не соответствует духу, содержанию, мыслям памятника, поэтому автора справедливо упрекали в эклектизме [4, с. 288–289].

Я. Купала также использовал силлабо-тонические размеры и разбил текст на главы, но размеры свободно варьируются и в рамках одной главы. Например, в III главе трехстопный амфибрахий сменяется четырехстопным хореем (ср. *«Вось ветры, Стрыбожыя ўнукі»* и *«Ідуць полаўцы ад Дона»*), а следующая глава написана трехстопным анапестом (*«Той Алег бо мячамі разруху каваяў»*) [5, с. 110–111]. Свободный выбор того или иного ритма, не ограниченный композиционными рамками, а обусловленный микротемой, спецификой раскрываемого образа, изменением экспрессивности текста, позволяет гораздо точнее передать особенности «Слова о полку Игореве».

Этот же прием свободного варьирования стихотворных размеров в соответствии с ритмом и содержанием оригинала использовал позже Н. Рыленков. Например: *«Трубы в Нове-городе трубят, / Над Путивлем стяги шелестят. / Игорь ждет: когда придет, что скажет / Буй-тур Всеволод, любимый брат»* (пятистопный хорей) [3, с. 312]. И далее: *«Мои куряне издавна / В сраженьях знамениты, / Под стягами взлелеяны, / Под трубами повиты. / С конца копья вскормлены, / Из шоломов вспоены»* (трехстопный ямб с дактилической и женской рифмой сменяется дольником в стиле народных песен) [5, с. 313].

Силлабо-тонические переложения могут иметь высокую художественную ценность и довольно точно передавать эстетику «Слова о полку Игореве». Стремясь донести и содержание, и красоту древнерусского памятника до современного читателя, авторы заменяют не только устаревшие слова на новые, но и старую ритмическую систему на более привычную для нашего времени.

Однако нельзя принять попытки некоторых переводчиков обновить образную систему «Слова», его идейное содержание. Например, вызывают справедливую критику русские переложения А. А. Палицына, И. Левитского, Д. Минаева, украинские переводы Н. И. Маньковского, И. Мандичевского, С. Гординского, В. Ваврика. В украинском переводе детской писательницы Н. Л. Забилы некоторый отход от текста оригинала, его адаптация, очевидно, были призваны облегчить чтение произведения детьми [1].

В. Шевчук часто позволяет себе отступления в художественных деталях. Например, слова *«Земля тутнетъ, реки мутно текутъ»* переводит как *«Земля здригнулась, спінились річки»*; а слова *«Уньша бо градомъ забралы, а веселие пониче»* – как *«Стоять пониклі вдови на валах, Віднині їм веселості не знати»*. Перевод многословнее оригинала: ср. *«Погасоша вечеру зори»* и перевод этого предложения *«Погасла чэрлень вечора. Пітьма Лягла густа на землю Половецьку»* [6].

Г. Карпунин считает, что «Слово» пропагандирует переход от старого времени, символизируемого Владимиром, к новому, символом которого является Игорь. В угоду своей теории переводчик порой существенно отступает от оригинала. Например: *«Зовет могучих нынешних князей / Русь старая – извечная София – / Вернуться в лоно»*

мудрости своей. / Бояново мы, братья, ценим слово, / Однако ныне светит свет иной: / Не старый свет Владимира Святого, – / Свет Игоря, свет новый, молодой» [7, с. 247].

«Слово о полку Игореве», созданное много веков назад, сохраняет свою художественную ценность и вдохновляет на новые переводы и зрелых мастеров слова, и молодых поэтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 томах / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Ред. кол.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, С. А. Семячко, О. В. Творогов (отв. ред.). – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – Т. 4. – 330 с.
2. «Слово о полку Игореве» та його поетичні переклади і переспіви / Підгот. і вступ. стаття «У віках безсмертя» Л. Махновця. – Київ, 1967.
3. Слово о полку Игореве / Вступительная статья Д. С. Лихачева Составление и подготовка текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева Примечания О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. – Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1967. – 540 стр.
4. Слово о полку Игореве: Поэтические переводы и переложения / Подгот. текста, пер. и примеч. В. Ржиги, С. Шамбинаго; Под общей ред. В. Ржиги, В. Кузьминой, В. Стеллецкого. – М.: Гослитиздат, 1961. – 366 с.
5. Слова пра паход Ігаравы / Уклад., прадм. і камент. В. А. Чамярыцкага. – Мінск: Маст. літ., 1985. – 159 с.
6. Украинский перевод В. Шевчука: Электронный ресурс // Параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве». – Режим доступа: <http://nevmenandr.net/slovo/trans.php?it=h4>. Дата доступа: 21.04.08.
7. Карпунин, Г. Стихотворения и стихотворное прочтение «Слова о полку Игореве» / Г. Карпунин. – Новосибирск, 1988. – 252 с.

Felkina O.A. East slavic translations «The tale of the raid of igor'»

There are considered translations and transpositions of «The Tale of the Raid of Igor'» on modern Russian, Belrussian and Ukrainian languages in article. There are analyzed ways of translations of rhythmic and figurative structure of this monument of the Old Russian literature by means of modern east slavic languages, including use the sillabo-tonic lines.